

10. [Електронний ресурс] – Режим доступу: www.kraljevo.org/OPSTINA-KRALJEVO-Istorija-Krajleva_70_6_31__cir
11. Энциклопедический словарь. Гл.ред. Введенский Б.А., Ленинград 1953-55. // [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://slovar1953.ru>
12. [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.gsvg88.narod.ru>
13. [Електронний ресурс] – Режим доступу: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_объектов,_названных_в_честь_Сталина
14. [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://hr.wikisource.org/wiki/>
15. [Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://sr.wikipedia.org/wiki/Врбас>

Шимчик Т. Політично вмотивовані найменування міст в соціалістичних країнах Європи в 1945 – 1990 роках.

Переглядаючи атласи і карти колишніх соціалістичних держав Європи, нетрудно спостерегти на них міста, які є названі у честь партійно-політичних діячів. У статті про такі назви говориться з лінгвістичної та історичної точки зору. Важним є також соціополітичний аспект, який виявляється у цей час, коли переіменовані міста повертаються у свої попередні назви.

Ключові слова: етимологія, вмотивоване найменування.

Шимчик Т. POLITICALLY EXPLAINED NAMES OF CITIES IN SOCIALISTIC COUNTRIES OF EUROPE IN 1945 – 1990 YEARS

Looking through atlases and maps of the former European socialist countries, it is easy to notice that there are many cities named in honor of the party-state activists. In the article, such terms are described in terms of linguistics and history. The socio-political aspect is also significant. It appears when renamed cities regained their previous names.

Keywords: etimologiya, motivatyvd city name.

Яременко Т. Г.

**Київський національний економічний університет
імені В. Гетьмана (Україна)**

**НОМИНАТИВ ЗАРЯ КАК ГЕНЕРИРУЮЩИЙ МОТИВАТОР
ТЕМПОРАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ**

Настоящая статья посвящена исследованию лексической семантики производного слова, в частности глаголов, образованных от имен существительных со значением времени. Такие дериваты занимают периферийное положение в лексико-семантическом поле времени (ЛСПВ). Однако до настоящего времени они недостаточно исследованы ни с точки зрения денотативно-сигнификативного значения, ни в аспекте деривационных связей, что обуславливает актуальность этой статьи.

Ключевые слова: дериват, глагольная темпорлексема, лексико-семантическое поле времени, функционально-семантическое поле темпоральности, словообразовательное гнездо.

Новая научная парадигма, в русле которой осуществляются лингвистические изыскания последних десятилетий, предполагает, в частности, выявление языковой репрезентации тех или иных категорий с учетом их онтологической и когнитивной значимости. В этом плане категория времени особенно значима.

На первый взгляд, данная категория уже достаточно полно описана языковедами, интерпретирующими ее, прежде всего, как темпоральность, которая репрезентируется единицами разных уровней, объединенных в функционально-семантическое поле темпоральности. По мнению А. В. Бондарко, разработавшего теорию ФСП, ядром ФСПТ является грамматическая категория времени глагола, детально изученная лингвистами (М. В. Ломоносов, А. А. Потеня, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, А. В. Бондарко, Ю. С. Маслов, А. В. Исаченко и др.). Лексические средства выражения времени (равно как и синтаксические) признаются большим числом исследователей периферийными. Из

них объектом изучения были русские имена существительные (Т. В. Горячева, И. Г. Демченко, И. А. Потаенко, Т. И. Плужникова и др.), имена прилагательные (А. Д. Зверев, В. А. Каращук, И. М. Ландсман, А. Н. Шрамм и др.), наречия (П. И. Белоусенко, В. Б. Евтюхин, Н. Н. Леонтьева, И. А. Попов и др.) и словосочетания (М. В. Всеволодова, Н. Д. Грунин, М. В. Крылова, Е. С. Скобликова и др.), которые рассматривались и при сопоставительном изучении русского и других языков (Л. В. Гарская, Н. А. Жабицкая, Н. В. Корнеева, Н. М. Лисица, Ч. Ляхур, Г. А. Меновщиков, Н. А. Першина, Н. В. Прохорова, Л. Сараджаева, З. И. Сироткина, Б. Х. Хошанов и др.). На материале древнерусского языка темпорлексемы названных частей речи исследовали Р. В. Болдырев, Л. В. Вялкина, Н. В. Ивашина, Т. А. Лисицына, А. А. Мицик, Е. И. Янович. Эта группа лексем изучалась также в украинском и белорусском языках (Д. И. Ганич, А. П. Груцо, В. Д. Евтухов, Т. Н. Кобля, М. П. Кочерган, С. В. Шевчук и др.).

Такой очевидный интерес лингвистов к лексическим средствам выражения времени доказывает **актуальность** настоящего исследования, посвященного описанию глагольной лексики с временной семантикой, поскольку до сих пор “практически не разработан вопрос о глаголе как языковой единице, выражающей время лексически” [8, 14].

Одна из наиболее актуальных проблем современной дериватологии – исследование словообразовательного потенциала разных групп слов: частей речи; ЛСГ и т.д. Их деривационные возможности регулируются факторами, от которых зависит словообразовательный потенциал разных производящих основ, то есть выявляются определенные характеристики производящего слова, “которые делают возможным или невозможным процесс образования на его базе дериватов, которые влияют на словообразовательную активность и продуктивность производящей основы и ее семантико-словообразовательные трансформации” [4, 8].

Цель работы – в лексическом поле времени определить место производных глаголов, которые имеют временную семантику, установив их деривационную историю, то есть формально-семантическую связь с мотивирующими субстантивными темпорлексемами.

М. В. Всеволодова [3, 29-32] выделяет целый ряд классов и подклассов лексических носителей семантики времени. Среди них – подкласс названий основных частей суток (*утро, день, вечер, ночь*) и относительно коротких переходных периодов между ними (например, *рассвет, закат*).

В данной работе мы сосредоточим внимание на тесно связанной с подклассом *утро* темпорлексемой *заря*, которая часто используется как синоним слова *рассвет*.

У славян, как и у многих других народов, роль перехода от ночи ко дню отводится *зарю* (Логич.ан.языка). “*Врываются в звездные ночи, В рассветы, в зарю поезда*” /С. Щипачев/; “*Было явью и это: Запомнилось – перед рассветом Тринадцатого октября, когда еще медлила где-то заря...*” /С. Щипачев/.

По МАС, лексема *заря* имеет несколько значений: “1. Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца. || Время появления на горизонте этого освещения. 2. *перен.* Начало, зарождение. Ранняя пора чего-л. 3. Военный сигнал на барабанах, горне или трубе в часы подъема и при отходе ко сну” [17, I, 568].

ЛСВ1 восходит к изначальному значению слова *заря*: “др.-рус. (с XI в.) *заря* – “свет”, “сияние”” [21, I, 317]: “*Плавно у ночи с чела Мягкая падает мгла; С поля широкого тень Жмется под ближнюю сень; Жаждою света горя, Выйти стыдится заря; Холодно, ясно, бело, Дрогнуло птицы крыло... Солнца еще не видать, А на душе благодать...*” /А. А. Фет/.

Сема 'свет' актуалізована в глаголі *озарити* – “1. (чем) Осветити, залити светом (обычно ярким)” [1, 705], – який в сучасному російському мові со словом *заря* уже не зв'язан. Специфічність “ярко освітлення горизонту перед сходом і після заходу сонця” обумовила появу похідного *светозарний*, то є світ іменно зарі: “*О дочь верховного эфира! О светозарная краса!*” /П. Вяземський/.

Поскольку в російському слові *заря* актуальний був іменно ознак 'свет', оно могло употребляться для означення світла в будь-яке “пограничне” час доби, що знашло відображення як в фольклорних текстах: “*Не зван, не входи. Заря утренняя велит, заря дневная приказывает, заря вечерняя гонит, заря ночная от друзей хоронит*” /Н. Степанова. Заговори/; “*Сполохи и молохи, заря подутренняя и утренняя, обнимитесь, сойдитесь, спосовейтесь. Так бы и раб (ім'я) да раба (ім'я) сошлись бы, спосовевались, полюбовались бы, жили бы рядышком, как зори утренние и подутренние*” /Н. Степанова. Заговори/, так і в літературних, в частині поетических, творів: “*Что за вечер! А ручей Так и рвется. Как зарей-то соловей раздаётся!*” /А. А. Фет/; “*Это читает вечер красную книгу зари*” /С. Щипачев/. В одному з своїх віршів А. А. Фет прямо вказує на схожість зарі снітньої і снітньої: “*Вчера я шел в ночи и помню очертанье Багряно-золотистых туч. Не мог я разгадать: то яркое сиянье – Вечерней ли зари последнее прощанье, Иль утра пламенного луч?*” /А. А. Фет/.

Колористический признак описываемого природного явления – розовий, а чаще ядро-червоний колір неба – багряний [1, 54] – часто актуалізується в поетических творів: “*Раскинув по небу свой розовый вуаль, Красавица заря лениво просыпалась...*” (М. Я. Пуаре); “*На небе восточном зарделась заря, Проснулись сарматы – злодеи царя*” /К. Рылеев/; “*На заре только клонит ко сну, Но лишь яркий багрянец замечу – Разгорюсь – и опять не усну*” /А. А. Фет/; “*И утро блещет багрянцей!*...” /А. А. Фет/, із чого слідує, що дієслово *багряниться* (“трад.-поэт. Окрасиваться в багряный цвет” [18, 54]) також можна розглядати як елемент парадигми квалітативно-темпоральних дієслів, но співносимих не тільки з поняттям “утро”, но і “вечер”.

Результатом необхідності розрізняти снітню і снітню зарю стало появу в мові слова *денница* – (“трад.-поэт.) 1. Снітня заря. 2. Снітня зірка” [18, 250]: “*Пусть небо зажжется денницей*” /В. Брюсов/; “*И только что сумрак разгонит денница, Смолкает зарей отрезвленная птица, – И счастьем и песне конец...*” /А. А. Фет/ – в снітньому прикладі слова *денница* і *заря* використовуються як синоніми. В. В. Виноградов вказує, що “це слово, употребительное в поетическому мові Пушкіна 10-х (наприклад, в вірші “Кольна”) і 20-х років (наприклад, в варіантах гл.3 “Евгенія Онегіна”: “Проснулся он денницы ране”, ср. в гл. 6, XIII “Евгенія Онегіна”: “Блеснет завтра луч денницы...”), в 30-х роках уже виходить за межі літературної норми” [2]. Слід відзначити також, що ще в високому стилі слово *денница* розширило семантичний діапазон і стало використовуватися в значенні “сонячний світ”: “*Уже денницы луч бледнеет на закате*” /Кафтарев/; “*Средь мрачной и сырой темницы, Куда лишь в полдень проникал, Скользя по сводам, луч денницы*” /Рылеев/. По мненню В. В. Виноградова, іменно втрата точного значення цього слов'янства сузила сферу його використання [2, 885].

¹ *багряница* – “мантія багряного кольору, надевана в торжественних випадках як символ вищої влади” [1, 54].

Иногда указание на время появления зари содержится в контексте: “Пускай возвратится веселое утро, сияние дня; **зарей** озарится тот свет, где мой милый живет для меня” /В. А. Жуковский/; “В душе смиренной уясни Дыханье ночи непорочной И до огней **зари** восточной Под звездным пологом усни!” /А. А. Фет/ – заря на востоке может быть только утром. (ср. также укр. “Зоря розвітала, день починав біліти...” /Марко Вовчок/; “Ранесенько-ранесенько піднялася. Усі сплять, ще й на зорю не займається...” /Марко Вовчок/; “Ох, коли б мені доля судила хоч побачити ранню зорю” /Леся Українка/).

Во многих других славянских языках слово *заря* имеет значение именно “утренняя заря” (болгарский, с.-хорватский, словацкий (устаревшее значение) [20, 138], то есть “заря в начале дня”: Этот семантический признак стал мотивантом на эпидигматическом уровне, что привело к развитию ЛСВ2: “На **заре** туманной юности” /А. В. Кольцов/.

Мы рассматриваем только первую семему слова *заря*, и именно она проявила деривационную активность, став вершиной словообразовательного гнезда верно-цепочечного типа с максимальной глубиной 2 шага. Непосредственно от слова *заря*, по данным “Словообразовательного словаря...” А. Н. Тихонова, образуются в основном имена (10 субстантивов и 4 адъектива) (видимо, в силу основной квалитативно-предметной семантики) и лишь 1 глагол. Всего в гнезде 19 дериватов, из которых на 2-й ступени лишь 4 производных, одно из которых образовано от глагола *зоревать* (видимо, сам это глагол исторически образован от вариативной формы *зоря*: “И сюда я, где сумрак короче, Где **заря** любит **збрю** будить, В холодок вашей северной ночи Прилетаю и петь, и любить” /А. А. Фет/).

Следует отметить, что в диалектной подсистеме представлено гораздо больше глаголов, генерирующим мотиватором которых является слово *заря*: *зарять* – “светать” [13, 100]; [12, 184]; *зарі́ться* – “Заниматься (о заре); рассветать, светать” [16, вып. 10, 384]; “рассветать” [11, 84], [14, 137], [10, 182]; [12, 196]; *отза́ривать*: “начинать светать” [15, 81]. Эти глаголы являются синтаксическими дериватами слова *заря*, поскольку действие связано непосредственно с зарей, то есть референциально соотносится с натурдинамикой. Глагол же *заряниться* (несов., неперех.) – “гулять, ходить до зари, до рассвета” [5, I, 628] – следует определить как лексический дериват, поскольку он обозначает действие, совершаемое неким субъектом в определенный период времени, и относится к сфере антроподинамики. Однако у некоторых глагольных лексем, например, *зарить*, к разным типам деривации могут относиться разные семемы: *зарить* – “1. Заниматься (о заре)” [16, вып.10, 383] (синтаксическая деривация) – и “2. Слушать на заре (пение птиц)” (лексическая деривация).

Естественно, глаголы приведенной подгруппы являются элементами лексической подсистемы русского языка, они не кодифицированы и функционируют как ареальные единицы. Глаголы *зарять*, *зарить*, *зариться* образованы по продуктивным моделям литературного языка (ср. *светать* – *зарять*, *грустить* – *зарить*, *слезиться* – *зариться*¹). Глагол *зариться*, на наш взгляд, является дериватом существительного *заря*, а не залоговой формой глагола *зарить*, и образован суффиксально-постфиксальным способом. Словообразовательный оператор *-и(ть)-ся*, “достаточно регулярная, но малопродуктивная словообразовательная единица”, которая образует “непереходные глаголы несовершенного вида со значением: наполняться или покрываться тем, что названо мотивирующим именем существительным” [6, 164]).

¹ Приведенные пары слов, кроме *зарять* – *светать*, не вполне соотносительны по семантике. Мы лишь хотели продемонстрировать сходство словообразовательных средств, используемых в литературном языке и в диалектной подсистеме.

Производное *отзаривать* в значении “начинать светать”, а иначе можно сказать “начинает появляться заря”, на первый взгляд, не вписывается в ряд словообразовательных типов литературного языка. “Русская грамматика” (1980) описывает два типа глаголов с префиксом *от-* и суффиксом *-ива(ть)*: “1) глаголы со знач. “тщательно, интенсивно совершать действие, названное мотивирующим глаголом, состоящее из ряда однородных актов: *отплясывать, отстукивать*” (в ТТСЕРЯ описан только этот тип) и 2) глаголы со знач. “действие, названное мотивирующим глаголом, направлять от чего-либо” (о световых явлениях): *отблескивать* ‘блестя, отражать свет; давать отблеск’, *отсвечивать*” [9, 381]. Очевидно, что дериват *отзаривать* в большей степени соотносится с глаголами второго типа, и лишь его лексикографическое толкование не позволяет отнести и его к этому типу. На наш взгляд, можно предположить определенную некорректность в дефинировании этого слова, равно как и можно смоделировать внеязыковую ситуацию, ставшую объектом номинации: небо к утру светлеет, но оно покрыто легкими перистыми облаками, сквозь которые и видны “проблески” зари – уже подкрашенные восходящим солнцем огненно-розовые участки. Да, “начинает светать”, но как бы местами. В этом случае глагол *отзаривать* также соответствует модели литературного языка и может претендовать на место в нем, а в СГ слова *заря* он находится на 2-й словообразовательной ступени: *заря* → *зарить* → *отзаривать*.

В морфной структуре глагола *заряниться* (несов., неперех.) – “гулять, ходить до зари, до рассвета” – в современном русском языке выделяется интерфикс *ян*. Его суффиксальное происхождение очевидно и подтверждается наличием лексемы *заряница* (*зареница*), широко используемой в фольклорных текстах: “*Заря моя, заряница, будь мне доброй сестрицей*” /Н. Степанова. Заговоры/; “*Марьюшка-зорюшка, заря-зареница, красная девица, повяжи брачными узами раба Божьего* (имя)” /Н. Степанова. Заговоры/. Не исключено, что слово *заряница* (*зареница*) явилось производным от утраченного языком относительного атрибутива *заряный* (*зареный*), указывающего на отнесенность к заре как определенному времени суток и входящего в сочетания *заряное время, заряное небо*. Появление производного *заряница* (*зареница*), возможно, было спровоцировано, с одной стороны, ограниченной лексической валентностью прилагательного, с другой – необходимостью противопоставления таких природных явлений, как заря (утром) и зарница (*зарница* – “мгновенная световая вспышка на небосклоне ночью или вечером – отблеск далекой грозы” [1, 342], что дало оппозицию *заряница* – *зарница*. Таким образом, глагол *заряниться* мог быть омофоном существительного *заряница* и мотивироваться им (“гулять, ходить до заряницы”).

Итак, для обозначения утра в русском языке используется не только собственно темпорлексема *утро*, но и квалитативно-темпоральная номинатив *заря*, образующий соответствующие глаголы, многие из которых были утрачены в процессе развития русского языка, иные сохранились лишь в народных говорах или других языках, подтверждая, что иногда “тот или иной потенциально древний элемент лексики самым причудливым образом всплывает на разных концах Славии...” [19, 19].

Л и т е р а т у р а :

1. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. – Спб. : Норинт, 2003. – 1536 с. РГ, С. 381.
2. *Виноградов В.В.* История слов / Виктор Владимирович Виноградов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет „Русский язык”. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / [отв. ред. академик РАН Наталья Юрьевна Шведова]. – М., 1999. – 1138 с.
3. *Всеволодова М. В.* Способы выражения временных отношений в современном русском языке / Майя Владимировна Всеволодова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 283 с.

4. *Грещук В. В.* Український відприкметниковий словотвір / Василь Васильович Грещук. – Івано-Франківськ : Плай, 1995. – 206 с.
5. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Рус. яз., 1981–1982. Словарь рус. гов. Новосиб. обл., с. 196.
6. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М. : АСТ: Астрель, 2005. – 636 с.
7. Логический анализ языка. Язык и время : сб. науч. тр. ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 1997. – 351 с.
8. *Плужникова Т. И.* Типология комплексных единиц словообразования: прогнозирующая функция / Тамара Ивановна Плужникова. – К. : НПУ им. М. Драгоманова, 2002. – 256 с.
9. Русская грамматика : в 2 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
10. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 5-ти / [гл. ред. А.С. Гердт]. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994.
11. Словарь русских говоров Кузбасса / [под ред. Н. В. Жураковской, О. А. Любимовой (отв. ред.)]. – Новосибирск, 1976. – 233 с.
12. Словарь русских говоров Новосибирской обл. / [под ред. А. И. Федорова]. – Новосибирск : Наука, 1979. – 605 с.
13. Словарь русских говоров Приамурья / [сост. : Ф. П. Иванова и др. ; отв. ред. Ф. П. Филин]. – М. : Наука, 1983. – 342 с.
14. Словарь русских говоров Прибайкалья : в 4 вып. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986.
15. Словарь русских говоров Среднего Урала. – Т. 1–5 : учеб. пособие / [редкол. : П. А. Вовчок]. – Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Свердловск, 1964–1984.
16. Словарь русских народных говоров / [под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова]. – Л. : Наука, 1961–1999. – Вып. 1–33.
17. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
18. Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти томах. – М. : Изд-во АН СССР, Ин-т рус. яз., 1948–1965.
19. *Трубачев О. Н.* Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003): доклад пленарного заседания / Олег Николаевич Трубачев. – [XIII Международный съезд славистов Любляне (Словения), 2003 г. / отв. ред. И. Б. Еськова]. – М. : Институт русского языка РАН, 2003. – 47 с.
20. *Цыганенко Г. П.* Русский язык: Морфемика. Словообразование. Этимология: учебно-справочная книга / Галина Павловна Цыганенко. – Донецк : ООО “Китис”, 1999. – 316 с.
21. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М. : Русский язык, 1993. – Т. 1–2.

Яременко Т. Г. Номінатив зоря як генеративний мотиватор темпоральних дієслів

Ця стаття присвячена дослідженню лексичної семантики твірного слова, зокрема дієслів, утворених від іменників із значенням часу. Такі деривати знаходяться на периферії лексико-семантичного поля часу. Однак вони недостатньо досліджені ні з точки зору денотативно-сигніфікативного значення, ні в аспекті дериваційних зв'язків, що зумовлює актуальність цієї статті.

Ключові слова: *дериват, дієслівна темпорлексема, лексико-семантичне поле часу, функціонально-семантичне поле темпоральності, словотвірне гніздо.*

Yaremenko T. G. Nominative dawn as a generating motive of temporal verbs.

The present article is dedicated to the lexical semantics of derivatives in particular the verbs formed from the nouns with the meaning of time. Such derivatives occupy peripheral position in lexico-semantic field of time. However they are not investigated till now neither from the point of view of their denotative-significative meaning nor from the point of view of their derivative connection, which causes actuality of our investigation.

Keywords: *derivative, verbal temporal lexeme, lexical – semantic field of time, functional – semantic field of temporality, word – building family.*